

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ К. А. ЛЕВКОВСКОЙ

Рецензия К. А. Левковской на мою книгу «Словообразование современного немецкого языка», помещенная в № 1 журнала за 1955 г., содержит ряд критических замечаний, с которыми я не могу согласиться. Подробный ответ на все эти замечания занял бы значительное число страниц, поэтому я позволю себе остановиться лишь на тех, которые считаю принципиально наиболее существенными.

Как мне представляется, большинство обвинений, предъявляемых мне рецензентом, связано с тем, что анализируемые факты языка рецензент стремится подвести под общие схемы и формулы; между тем я ставила перед собой задачу — описать словообразование не языка вообще, а словообразование конкретное — немецкого — языка, учитывая как ведущие тенденции в его строе, так и наличие противоречий и трудно объяснимых явлений.

К. А. Левковская упрекает меня в том, что я недостаточно использовала работы зарубежных и отечественных лингвистов, в частности последние работы советских лингвистов по русскому словообразованию. Рецензент, видимо, не учитывает того, что книга задумана и выполнена как исследование словообразования именно немецкого языка. Эта задача определила круг проблем и круг непосредственно привлекаемых лингвистических работ.

Рецензент недооценивает специфику словообразовательной формы слов немецкого языка. Именно этим вызвано предъявленное мне обвинение в «непоследовательности» в применении терминов «слово» и «основа слова» при описании словообразовательных процессов. Основной причиной этой кажущейся «несогласованности» является то, что в немецком языке, в противоположность, например, русскому и английскому языкам, в ряде случаев мы имеем дело при словообразовательных процессах не с основой, а с грамматической формой слова (ср. существительные «сдвига» типа *die Krauseminze, das Feinsliebchen, das Rührmichnichtan, der Springinsfeld*, наречия «сдвига» *allerart, meistens, kurzerhand, währenddessen* или застывшие формы падежей, перешедшие в наречия: *abends, flugs, mitten* и т. п.).

Имеются и такие случаи, которые нельзя отнести ни к «застыванию» формы слова или словосочетания, ни к простому сложению основ, например, так называемые *Pluralkomposita*, представляющие собой продуктивный словообразовательный тип в современном немецком языке (*Plätzezahl, Gästebesuch, Völkerfreundschaft, Aktivistenkongress* и др.). Вряд ли можно говорить о том, что первый компонент таких слов представляет собой лексическую основу, соединяемую со вторым компонентом при помощи соединительного элемента.

Не могу согласиться с безоговорочным применением термина «сложная основа» к первому компоненту слова *Atrweibersommer* (рец., стр. 151), поскольку *weiber* представляет собой грамматическую форму множественного числа существительного. Следует отметить, что, polemизируя со мной по поводу трактовки данного типа сложных слов, рецензент умалчивает о приводимых мною примерах: *Armeleutehaus, Gutenachtkuß, Viergroschenbrot* и др., в которых первый компонент не может быть охарактеризован иначе как застывшее словосочетание (кн., стр. 140).

Одно из центральных мест занимает в рецензии полемика со мной по поводу «поуэффиксов». Оставив в стороне самый термин, который рецензент считает, не объясняя причин, «крайне неудачным» (рец., стр. 147), перехожу к рассмотрению его содержания.

Само явление, т. е. наличие в немецком языке таких словообразовательных элементов, которые выполняют функцию аффиксов, не теряя связи с соответствующими лексическими единицами — словами, признается не только большинством немецких лингвистов (см. работы В. Генцена, Г. Беккера и др.), но и самой К. А. Левковской, которая пишет: «...если многие производные слова теперь уже воспринимаются как корневые, то им противостоят слова, по форме своего образования сложные, но в которых одна из составляющих слово основ фактически выступает уже в роли аффикса, суффикса или префикса. Таких примеров в немецком языке имеется довольно боль-

шое количество, ср., в частности, образования с *-mann, -frau, -werk* у существительных, ...или *-reich, -voll, -los, -frei* у прилагательных...»¹

В рецензии повторяются приблизительно те же мысли: «Анализ слов с так называемыми „полуаффиксами“ ясно показывает, что это — отличающиеся определенными особенностями сложные слова, а вторые их компоненты — основы, приближающиеся до известной степени по своей функции к суффиксам» (реп., стр. 148).

Таким образом, рецензент фактически возражает лишь против того, что подобные словообразовательные средства я не считаю компонентами сложных слов обычного типа, и приводит ряд доводов, не позволяющих рассматривать их как аффиксы (реп., стр. 148). С этими доводами я полностью согласна; более того, они повторяют мои же мысли (см., например, стр. 157, 190 книги). Возражение вызывает, однако, утверждение рецензента, что соединительные элементы встречаются лишь в сложных словах (реп., стр. 148), между тем как они на самом деле встречаются и перед суффиксами; ср. *Witwentum, Heldentum, Bauernschaft* и т. п.

Можно привести всекие доводы в пользу того, что «полуаффиксы» существенно отличаются не только от аффиксов, но и от компонентов сложных слов. Это — частота употребления, способность переходить от одной основы к другой, причем слово во всех случаях подводится под одно общее значение, как правило, отличающееся в большей или меньшей степени от значения слова, к которому восходит полуаффикс (ср. значения слов *See-, Steuer-, Kriegs-, Finanzmann* и существительного *der Mann*; значения слов *kraft-, sinn-, hilf-, mutlos* и прилагательного *los*; значения слов: *kreuzbrav-, dum-, -fidel* и существительного *das Kreuz* и т. п.).

Немаловажным является тот факт, что ряд аффиксов немецкого языка восходит к самостоятельным лексическим единицам — словам, прошедшим путь от компонента сложного слова к словообразовательной морфеме (например, такие суффиксы, как *heit, tum, schaft, lich, bar, sam*, префикс *mitz* и некоторые другие). Очевидно, что такой переход не мог произойти внезапно, что ему предшествовал период, когда соответствующее словообразовательное средство, не будучи еще аффиксом, уже перестало быть компонентом сложного слова в обычном смысле этого термина. Об этом моменте рецензент умалчивает, а между тем как раз с ним в значительной мере связана моя трактовка «полуаффикса».

Необходимо отметить, что «полуаффиксы» — явление, специфичное именно для немецкого языка. Соответствующих словообразовательных средств нет, например, в русском языке. В общие схемы это явление не укладывается.

Горячее возражение рецензента вызывает отнесение к «полупрефиксам» первых компонентов глаголов типа *aufstehen* (реп., стр. 148), т. е. «наречных частиц» (термин, применяемый рецензентом). В рецензии нет определенного указания на то, чем являются глаголы подобного типа. В статье К. А. Левковской «О некоторых грамматических и лексических явлениях современного немецкого языка» эти глаголы, как и сложные глаголы типа *teilnehmen*, причислены к фразеологическим сочетаниям². С этим я не считаю возможным согласиться. В данном случае мы снова сталкиваемся с явлением, специфичным именно для немецкого языка. В русском языке нет ни сложных глаголов, подобных немецким глаголам типа *teilnehmen, stattfinden, freilassen*, ни глаголов типа *aufstehen, zumachen, auffrischen* и т. п.; нет соответствующих структурных типов глаголов и в ряде других европейских языков. Но из этого еще не следует, что в немецком языке глаголы типа *freilassen* или *aufstehen* не являются полноценными словами. В данном случае применение критерия обязательной «цельнооформленности» слова ведет к неверному, чисто формальному выводу, противоречащему не только установившейся традиции, подтверждаемой и орфографией (совместное написание в именных формах и в личных формах в придаточных предложениях), но и живым фактам немецкого языка, допускающего разрыв единой лексической единицы — глагола на две части. К. А. Левковская считает возможным отнести к словосочетаниям даже такие глаголы, как *aufmuntern*, вопреки тому, что их второй компонент не употребляется в качестве самостоятельного глагола.

Термин «полупрефикс», мне кажется, может быть применен к частицам типа *auf, zu* и т. п. по двум причинам. Во-первых, большинство глагольных префиксов (*be-, ver-* и др.) восходит к подобным наречным основам. Во-вторых, многие из таких «наречных частиц» обнаруживают тенденцию к неотделимости, т. е. к переходу в префикс (ср. *durch-, über-, unter-, wider-, um-*, а также такие случаи, как *ich anbede in ihr das Licht* «в его лице я воспеваю свет», Schiller).

Специфичным для немецкого языка является употребление сложных слов (особенно сложных существительных), по значению и функции соответствующих свободному словосочетанию. Проблема соотношения сложных слов данного типа и словосочетаний является одной из наиболее трудных проблем, возникающих при исследовании

¹ К. А. Левковская, О словообразовании и его отношении к грамматике, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 155.

² См. «Ист. яз. в шк.», 1955, № 3, стр. 31.

стройка немецкого языка. Не претендуя на ее окончательное разрешение, я сочла необходимым попытаться поставить ее и рассмотреть более или менее подробно отдельные случаи, типичные для современного немецкого языка. И здесь я встретила возражения рецензента. Его мнение в основном сводится к следующему.

Сложное слово цельноформленно, значит оно не может выражать тех отношений, которые могут быть выражены словосочетанием или придаточным предложением; значит, нельзя говорить о замене сложным словом словосочетания (рец., стр. 151). Интересно, что рецензент все же признает, что, например, *Gefangenenaute* может быть понято в данном контексте как «машина, в которой везли пленного», но вывод об эквивалентности цельноформленного слова и словосочетания или даже целого высказывания, с точки зрения рецензента, неправилен, поскольку компоненты сложного слова — «основы» и, значит, не могут быть по функции приравнены к словам. Таким образом, в угоду принципу «цельноформленности» сводится на нет одна из характернейших особенностей строя немецкого языка, отличающая его от ряда других языков.

В рецензии затронуты много вопросов. Однако в ней отсутствует анализ построения книги в целом, оценка основных принципов, из которых я исхожу при описании словообразовательного строя немецкого языка.

Правильен ли сам метод трактовки словообразования, применяемый мною? Следует ли рассматривать словообразование в немецком языке применительно к частям речи, как это сделано в книге, или надо предпочесть описание его по отдельным способам и моделям? Верно ли раскрыты основные понятия, связанные с процессом словообразования и со словообразовательной техникой (например, понятия способа и средства словообразования, словообразовательной формы слова, законов и правил словообразования и т. п.)? Достаточно ли ясно показаны специфика именно немецкого словообразования, ведущие тенденции развития словообразовательного строя немецкого языка (в частности, роль словосложения и в том развитии), связь словообразовательного строя языка с грамматическим? Правильен ли охват анализируемого лексического материала, выделение неологизмов и случайных образований и т. п.? На все эти вопросы ни автор книги, ни ее читатель не находят ответа в рецензии К. А. Левковской.

Рецензии, антагонизирующие и нередко обобщающей возможности использования книги, при отсутствии анализа ее построения и содержания в целом, свидетельствуют о историчности рецензента к чужим мнениям, и то время как его личные мнения, часто спорные, приводятся в качестве общепринятых положений. Все это, как мне кажется, не соответствует принципу свободного обмена мнениями, ведущего к развитию научной мысли.

М. Д. Степанова

ЕЩЕ РАЗ О ЗАПОЗДАЛЫХ ОТКРЫТИЯХ

В заметке «Запоздалые открытия» (ИАН ОЛЯ, 1949, вып. 1) мы привели достойные сожаления случаи, когда некоторые зарубежные ученые, не утруждая себя знакомством со специальной литературой на русском языке, заново открывают истины, давно известные в советской науке. Здесь мы хотели бы обратить внимание еще на один факт такого же порядка.

В «Bulletin of the School of oriental and african studies», издаваемом Лондонским университетом (vol. XVI, part. 3, 1954, стр. 528—541), помещена статья D. N. M a s K e n z i e «Gender in Kurdish». Проблема грамматического рода в курдском языке представляет значительный интерес не только курдоведческий, но и общераннистический. Известно, что в древнеиранских языках различались три рода: мужской, женский и средний. В большинстве новоиранских языков различие имен по грамматическому роду утрачено. Но в некоторых языках (в афганском, в ряде памирских) оно, в том или ином виде, сохранилось. К ним, как показали исследования советских иранистов, относится и курдский язык.

Давно было замечено, что формы косвенного падежа, а также формы так называемой «изафетной» связки между определяемым и определенным различаются в курдском в зависимости от имен, характеризующихся то гласным *i*, то *e*, то *a*. Однако этому факту не давалось правильного и четкого истолкования.

Впервые в статьях А. Шамидова, И. Цукермана и К. Курдова «Об изафете в курдском языке» («Революция и письменность», № 1, М., 1933, стр. 51—56) и «О проблеме рода в курдском языке» («Письменность и революция», сб. 1, М.—Л., 1933, стр. 160—178) было показано, что вышеупомянутые различия изафетной связки и косвенного падежа связаны с различием грамматического рода имен и что, стало быть, категория рода в курдском существует. Данные